

ВЛАДИМИР И. ДЕГТЯРЕВ

РЕФЛЕКСЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ФОРМЫ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ НА *-ā В БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Проблема происхождения форм множественного числа имен среднего рода в праиндоевропейском языке впервые была поставлена и основательно на большом фактическом материале разработана немецким компаративистом Й. Шмидтом¹. Уже античные филологи были знакомы с типичным для аттического диалекта древнегреческого языка, но необычным для языка флективного строя согласованием глагольного сказуемого в ед. ч. с формой мн. ч. подлежащего, выраженного именем среднего рода (известное в сравнительной грамматике правило: τὰ ζῷα τρέχει 'животные (всё живое) бегают' или ταῦτά ἐστιν ἀγαθὰ 'Dies ist gut'; здесь сказуемые имеют формы ед. числа при подлежащих во множественном). Характерно, что в то же время подлежащие — имена мужского и женского рода мн. ч. — принимали глагол-сказуемое во множественном числе. Ясно, что грамматический род в этой конструкции играет определяющую роль. Но и в XIX веке столь необычное оформление связи сказуемого с подлежащим оставалось загадочным. Между тем аналогичные конструкции были обнаружены в ведийском, хеттском и авестийском языках. Стало очевидным, что это архаическая черта индоевропейского синтаксиса и объяснение ее несомненно должно внести существенно новое в древнюю реконструкцию грамматических категорий праиндоевропейского языка. До Й. Шмидта Маттэй высказал предположение, что форма мн. ч. ср. р. имеет собирательное значение, т. е. выражает множество в совокупности и единстве². Й. Шмидт более определенно решил, что формы именительного — винительного падежей мн. ч. ср. р. являются исконными именами собирательными, т. е. словообразовательными формами с особой основой на *-ā, отличающей формы субъекта и прямого объекта от форм косвенных (пространственных) падежей. Это единственное отличие в склонении имен среднего рода во множественном числе от имен мужского и женского родов. Таким образом было установлено, что индоевропейское окончание -a, оформляющее

¹ См.: J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.

² J. Schmidt. Op. cit., p. 2.

имена ср. р. мн. ч., восходит к деривационному суффиксу собирательности $-*ā$ и является результатом плюрализации индоевропейских имен собирательных. Основываясь на сравнении исторически засвидетельствованных фактов древних индоевропейских языков, Й. Шмидт делает окончательное заключение, что формы им.—вин. пп. мн. ч. среднего рода на $-a$ происходят из индоевропейских имен собирательных ед. ч. жен. р., поскольку древние $*ā$ -основы относились преимущественно к женскому роду. Таким образом, в индоевропейстике утвердилось представление, что имена собирательные жен. р. ед. ч., образованные с помощью суффикса $-*ā/ə$, функционировали в праязыке в качестве форм выражения множественности в им.—вин. пп. ср. р., тогда как имена мужского и женского родов имели подлинные флективные формы множественного числа.

Сохраняя фундаментальное значение для сравнительной грамматики индоевропейских языков, эта концепция в дальнейшем, естественно, подверглась коррективам. Оставляя в стороне полемику с Й. Шмидтом³, заметим, что конструктивные уточнения касаются двух моментов — отношения указанных имен собирательных к категории числа и к категории рода. Так, замечено, что в древнегреческом языке не все имена среднего рода мн. ч. требуют постановки глагола в ед. ч. Если существительное ср. р. выражает во множественном числе совокупность лиц, людей (др.-греч. ἔθνη 'племена', τέκνα 'дети', τέλη 'власти' и т. п.) или вообще живых существ, то глагол при нем получает форму множественного числа⁴, т. е. различие в формах согласования связано с характером множества. Как видно, для архаического сознания индоевропейцев было актуально различие двух действительных начал — личного и предметного, одушевленного и неодушевленного, активного и пассивного. Интересующая нас конструкция относится к такому состоянию праиндоевропейского языка, когда, по-видимому, еще не оформилась грамматическая категория трех родов — мужского, женского и среднего. Действительно, как установлено сравнительно-типологическими исследованиями, грамматическому роду предшествовала номинальная система двух классов имен — активного и пассивного. Это следует из фактического материала хеттского и тохарских языков. Еще А. Мейе оперирует понятием „одушевленного“ и „неодушевленного“ классов для праиндоевропейского языкового состояния, но в его определении речь идет скорее о противопоставлении актив-

³ См., например: Chr. S. Stang. Zum indoeuropäischen Kollektivum. — In: Opuscula linguistica. Ausgewählte Aufsätze und Abhandlungen. Universitetsforlaget. Oslo, 1970. S. 17–19.

⁴ См.: И. М. Тронский. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. — Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук, вып. 10, 1946, с. 58.

ного и пассивного значений как основания для классификации имен существительных. Ср.: „Чтобы понять значение родов „одушевленного“ и „неодушевленного“, надо иметь в виду понятия, отличные от наших современных. В индоевропейском все, что движется, все, что действует, тем самым подпадает под понятие „одушевленного“⁵. Конкретизируя это, А. Мейе показывает, что одному и тому же понятию могли соответствовать два названия: одно — „одушевленного“ рода, другое — „неодушевленного“, например, „огонь“ в ряде языков обозначается именем среднего („неодушевленного“) рода: греч. πῦρ, умбр. *pir*, арм. *hur*, др.-в.-нем. *fiur*, а в других языках — именем мужского („одушевленного“) рода: скр. *agnih*, лат. *ignis*. Но первый ряд слов представляет огонь как предмет, а второй — как активную, действующую силу, в ведийском — как божество. В современной индоевропеистике утвердилась концепция двух именных классов, генетически предшествовавших грамматической категории рода, — активного и пассивного (инактивного)⁶. К активному относились названия людей, животных, растений и активных сил природы, к пассивному — названия неодушевленных предметов, вещей, веществ, совокупных множеств и отвлеченных понятий. Классы различались формами именительного и винительного падежей, словообразовательными суффиксами и синтаксическими функциями. Пассивный класс является базой формирования грамматического среднего рода, с активным классом генетически связаны мужской и женский. Таким образом, интересующие нас индоевропейские формы собирательности на *-*ā* являются весьма древними деривационными формами, происхождение их относится к дофлективному состоянию праиндоевропейской языковой общности, т. е. предшествовало формированию грамматической категории рода. Это — дородовые формы, сложившиеся на иной первоначальной основе номинальной классификации, и только в более позднее время они были осознаны как формы женского рода. На основе исконного собирательного значения тип имен существительных на *-*ā* получил функцию выражения множественного числа в формах им. — вин. пп. инактивного класса. В позднеиндоевропейский период имена собирательные на *-*ā* перешли в средний род в качестве грамматических форм мн. ч.

Суффикс *-*ā* возник в согласных основах на **-āN* в результате удлинения основообразующего *-*ā-*, видимо, после падения ларингала (**-ā < *-aH*). Й. Шмидт считал, что **ā*-основа образуется от присоединения к тематической

⁵ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938, с. 345.

⁶ Литература вопроса весьма обширна. Из новейшей: Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I. Тбилиси, 1984, с. 267—283.

гласной *-*ǝ-* суффикса *-a* (*-*ǝ + a > ā*)⁷. Что касается его значения, то первоначально он выражал преимущественно собирательные и отвлеченные понятия и применялся для образования имен от глаголов и прилагательных, ср. древнегреческие собирательные названия родоплеменных союзов: φράτρᾱ ‘фратрия’ (форма, идентичная той, которая в санскрите имеет значение мн. ч. к **ǝ-*основной форме ср. р. *bhrātrām* ‘братство’⁸), φυλᾱ и φυλή ‘род, колена, племя’, ср. им. п. ед. ч. ср. р. φύλον; ср. также известные в германских, балтийских, кельтских языках собирательные с индоевропейскими основами: **teu-tā-* (лит. *tautà* ‘народ, нация, страна’, латыш. *tauta* ‘народ’, др.-прусс. собир. жен. р. ед. ч. *tauto* ‘страна, народ’, гот. *þiuda*, жен. р. ‘народ’, ср. др.-ирл. *tūath* ‘народ’), оск. *touto* и умбр. *tota* ‘государство’; и.-е. **koimā* (греч. κώμη ‘деревня’, ср. глагол κείμαι ‘лежать, находиться, быть расположенным’ и этимологически родственные имена: гот. *haims* ‘деревня’, др.-в.-нем. *heim* ‘родина’, др.-ирл. *cóim* ‘деревня’, лит. *káimas* ‘то же’; от этого корня производны собир.: латыш. *sàime* ‘семья’, лит. *šeimà* ‘то же’).

У имен пассивного класса не было собственных флектированных форм мн. ч.; естественно, что здесь суффикс собирательности *-a* нашел применение в выражении совокупной множественности или однородной массы. Довольно часто такие формы лексикализировались в особых или самостоятельных лексических значениях. Характерные примеры называет И. М. Тронский: греч. νευρά ‘тетива’ — при ср. р. νευρον ‘жила’, собир. πυρά ‘костер’ от πῦρ ‘огонь’⁹ и т. п.

Что касается отношения к категории числа, то принято считать, что форма на *-*ā/ə* по происхождению является формой единственного числа. На этом стоял и Й. Шмидт. Но если отнести происхождение этой формы в дофлективный период, когда грамматической парадигмы числа, реконструируемой для позднепраиндоевропейского состояния, еще не существовало, то следует признать, что, выражая лексически значения множественности, она все же не была оформлена ни в единственном, ни во множественном числе, т. е. служила словообразовательной формой, равной основе (генетически собирательность предшествует грамматической категории числа). В дальнейшем в связи с формированием словоизменительной парадигмы числа имена собирательные на *-*ā*, функционировавшие в качестве лексического средства выражения совокупной множественности неодушевленных предметов, были

⁷ J. Schmidt, Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, p. 38.

⁸ J. Schmidt. Op. cit., p. 21—22.

⁹ И. М. Тронский. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках, с. 60.

осознаны как грамматические формы множественного числа среднего рода, но некоторые лексикализировались благодаря особенностям своего лексического значения в качестве форм единственного числа женского рода. Естественно, что эти формы теперь не лежат на поверхности, и реконструкция их является задачей сравнительного исследования.

В богатом собрании фактического материала Й. Шмидта немало и славянского: подобно тому, как лат. *terra* 'земля' является собирательным по отношению к оск. *terūm* 'огороженный участок земли', так же и слав. **СЛАМА**, ж. р. — имя собирательное к латыш. *salms* 'соломина', нем. *Halm*, лат. *culmus*, греч. *κάλαμος*; слав. **ЗИМА**, скр. *hīma-*, лит. *žiemà* 'зима' — собирательное к скр. *himá-s* 'холод'¹⁰. Сюда же следует включить и др.-прус. **zēmā*. Равным образом собирательными по происхождению являются слав. **ЮХА**, русск. *уха* — от согласной основы ср. р., ср. скр. *yūš*, ср. р. 'похлебка', лат. *jūs*; слав. **ЪРА** 'весна' — гот. *jēr*, ср. р., ср. греч. *ῥῥᾱ*, зенд. *yārə* 'год'; слав. **СРЪДА**, русск. *серёда* — от того же корня, что и **СРЪДЬЦЕ**, но с иной огласовкой, ср. греч. *κῆρ* (< **kerd-*), лат. *cor*, р. п. *cordis*, ср. р., др.-прус. *seyr*, ср. р., гот. *hairtō*, ср. р. 'сердце'; слав. **СЛАВА** — собир. по отношению к **СЛОВО**, греч. *κλέος*, скр. *crávanh*, ср. р. 'слава'. Естественно полагать, что этим рядом примеров далеко не исчерпывается праславянский фонд собирательных по происхождению имен жен. р. на *-a* от основ, восходящих к индоевропейскому инактивному классу. Однако до настоящего времени славянский материал, относящийся к этому типу, не собран¹¹. Кроме указанных Й. Шмидтом примеров, выявлено лишь несколько таких форм. В „Этимологическом словаре славянских языков“ под редакцией О. Н. Трубачева в духе открытия Й. Шмидта интерпретировано имя существительное жен. р. ед. ч. **ДАРА**, отмеченное единожды в Супрасльской рукописи, так что естественно было бы его объяснить в связи с влиянием греч. мн. ч. *δῶρα*, этимологически собирательного по отношению к ед. ч. *δῶρον*, ср. р. 'дар', хотя это слово зафиксировано также в Словаре украинского языка Б. Д. Гринченко (I, с. 357). Авторами указанного этимологического словаря оно возводится к и.-е. собир. **dōrā*¹². На несобран-

¹⁰ J. Schmidt. Op. cit., p. 9—10.

¹¹ Не изменило положения и исследование К.-М. Стенбока, предпринятое под впечатлением от замечательного труда Й. Шмидта (см. S.-M. Stenbock. Zur Kollektivbildung im slavischen/Uppsala Universitets Årsskrift. Uppsala, 1906), потому что, как отмечала критика, в нем без семасиологического обоснования соединены разные по происхождению слова на *-a*. См. об этом: М. Braun. Das Kollektivum und das Plurale Tantum im Russischen. Ein bedeutungsgeschichtlicher Versuch. Leipzig, 1930. S. 3.

¹² Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1977. Вып. 4. С. 189.

ность относящегося к этому типу славянского материала еще двадцать лет назад указал О. Н. Трубачев, обстоятельно проанализировавший работу Й. Шмидта в связи с этимологизацией др.-рус. *сѣра*. Автор соотносит это слово с лат. **sera*, мн. ч. к *serum*, ср. р. 'сыворотка'¹³. Правда, вызывает затруднение различие в огласовках соотносимых корней, что признает и О. Н. Трубачев, однако, возможно, что в собирательных формах гласная корня могла удлиняться, ср. *СЛАВА* и *СЛОВО*. Известно также, что слав. мн. ч. *ДЪРВА*, ср. р. является по происхождению формой собирательности к и.-е. **druuǝm*, где первичная основа на **-u* (ср. др.-инд. *drū-* 'дерево, древесина', авест. *dru* 'то же', греч. *δρῦς* 'дерево, дуб') распространена темой **-ǝ*. Соответствующая собирательная форма с иной огласовкой корня сохранилась в литовском: *dervà*, жен. р. ед. ч. 'смола, смольё'.

Таким образом, определяется ближайшая задача — реконструировать формы указанного типа в праславянском языке. В ее решении первостепенное значение имеют данные балтийских языков и особенно древнепрусского. Этот материал стал доступным в полном объеме благодаря превосходному изданию памятников древнепрусского языка В. Мажюлиса, выявившего и прокомментировавшего большую часть собирательных форм на *-ā* в древнепрусском языке¹⁴. Памятники древнепрусского языка содержат ценнейшие факты для сравнения и объяснения родственных форм балтийских и славянских языков, отражающих индоевропейский тип собирательности на **-ā*.

Как установил Й. Шмидт, собирательные формы на **-ā* соотносительны по происхождению с индоевропейскими тематизированными основами на **-ǝ* (большей частью), на **-i*, **-i* и с нетематическими (согласными) основами. Но исторические формы (в синхронном плане) воспринимаются как производные от корневых основ. Таким образом, в праславянском собирательное множественное у имен пассивного класса (среднего рода) выражалось с помощью основообразующего суффикса **-ā*, присоединявшегося обычно к корню с согласным исходом на месте этимологически восстанавливаемого гласного детерминанта основы; эти формы разноосновны: имена жен. р. на **-ā*, собирательные по происхождению, соответствуют именам ср. р., реже, мужского с основой, тематизированной гласным **-ǝ*. Диагностическим признаком собирательных по происхождению форм на **-ā* является этимологическая связь их с индоевропейской производящей основой среднего, реже мужского рода.

¹³ О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. — В кн.: Этимология. 1968. Москва, 1971, с. 39 и далее.

¹⁴ V. Mažiulis. Prūsų kalbos paminklai. II. Vilnius, 1981. (Далее сокращенно: Mažiulis II).

В отношении акцентуации в славянском эти формы характеризуются чаще окситонезой.

В индоевропейских языках наиболее архаичными основами инактивного класса являются гетероклитические основы на $-*r/n-$, исконно связанные с выражением пассивных понятий. В славянском гетероклитическое склонение не сохранилось, однако следы древнейшей индоевропейской основы этого типа в нескольких случаях обнаруживаются при сравнительном анализе. Так, и.-е. собир. $*dōrā$ — древняя основа с гетероклисией r/n , ср. др.-инд. $dānam$, лат. $dōnum$ и др.-греч. $δῶρον$, арм. tur , слав. ДАРЬ (и.-е. $*dō-$ 'давать'). Слав. ВОДА имеет генетические связи с индоевропейскими гетероклитическими основами, отраженными в хетт. $uātar$, род. п. $uētenaš$ 'вода', др.-греч. $ὔδωρ$, род. п. $ὔδατος$ ($< *udantos$), ср. р. — с суффиксом на $-r$ в им. — вин. пп. и суффиксом на $-n$ в косвенных падежах, ср. локатив: др.-инд. $udāni$ и хетт. $uēteni$ 'в воде'. Укажем также гот. $watō$, ср. р., род. п. $watins$, др.-англ. $wæter$, др.-исл. $vatr$, $vatn$, др.-в.-нем. $wassar$. По происхождению это формы среднего рода (инактивного класса). Лит. $vanduō$ 'вода', сохранив согласное склонение (ср. род. п. $vandeñs$), перешло в мужской род, но др.-прус. $wundan$ указывает на отнесенность основы в балтийских языках к среднему роду в прошлом. Слав. ВОДА ($*uod-ā$) представляет собой образованное от того же индоевропейского корня, хотя и значительно видоизмененного (и.-е. $*uot'-or-t^{[h]}$ —> слав. $*uod-$), имя собирательное с суффиксом $-*ā$, отождествленное с формами женского рода. Славянская форма воспринимается как производная от не-тематизированной основы; ср. также др.-инд. мн. ч. $udā$ 'воды' — к ед. ч. $udan$, ср. р., хетт. мн. ч. $wedār$ 'воды', лат. ед. ч. $unda$ 'волны, вода'. Остатками индоевропейской гетероклитической основы на $-r/n-$ являются также праславянские $*jьkno$ и $*jьkra$ / $*jьkro$ (и.-е. $*iek^{u}ōr$ / $*iek^{u}nos$) 'икра (рыбья)', ср. др.-инд. $yākṛ-t-$, род. п. $jaknāḥ$ 'печень', авест. $yākarə$, др.-греч. $ἰπάρ$ ($*iek^{u}r$), род. п. $ἰπατος$ ($< ἰπῶτος$) 'печень' ($*iek^{u}n-t-$), лат. $iecur$ ($< *iecurt$), $iocur$, род. п. $iecinoris$ ($< *iecinis$) 'печень' и др. Основа косвенных падежей сохранилась в лит. мн. ч. $jėknos$, латыш. мн. ч. $aknas$ и др.-прус. $jaknā$, жен. р. (E 125: $lagno$) 'печень', которая является по происхождению именем собирательным (Mažiulis II, 275). Равным образом слав. $*jьkra$ 'икра (рыбья)', представляющая ту же основу, но в им. — вин. пп., — этимологически множественное число ср. р., осмысленное как форма жен. р. ед. ч. В литовском ей закономерно соответствует собирательное по происхождению мн. ч. $ikrai$ 'икра'.

К древнейшему гетероклитическому типу основ с чередованием r/n восходят индоевропейские формы с корнем $*uēsṛ-$ или $*uēr-$: др.-греч. $ἔαρ$, $ἦρ$ 'весна', лат. $vēr$, ср. р. 'весна', др.-исл. $vár$, лит. $vasarà$, совр. литерат. $vāsara$ 'лето', др.-инд. $vasantá-h$, муж. р. 'весна', $vāsará-h$, муж. р. 'утренний (< свет-

лый) ~ день'. Этимологическая основа — среднего рода. К этому ряду относится и слав. *ВЕСНА*, производное на **-ā* от основы **ues-n-*, полагаем также собирательное по происхождению.

Еще А. Мейе писал, что форма на **-ā* часто представляет распространение старого нетематического (корневого) имени, как слав. *ВОДА*, *СРЪДА*, *ЮХА* (< и.-е. **jusā* ← 'навар, похлебка'). Сюда относится и слав. *ТЬМА*, родственное др.-инд. *tāmah*, ср. р. 'мрак, тьма'¹⁵, в котором тоже можно предположить первоначальное имя собирательное.

Значительная группа форм на **-ā*, собирательных по происхождению, соотносится с тематизированными основами на **-ō/e*. Здесь в первую очередь отметим архаический индоевропеизм слав. *МЪЗДА* 'оплата, награда'. Эта форма имеет прямое соответствие в гот. *mizdō*, жен. р. 'мзда' и может быть представлена как собирательная к индоевропейской основе на **-ō*, которая отражена в скр. *mīdham* (< **miždhám*), ср. р. 'вознаграждение, плата', авест. *mīždəm* 'награда, выигрыш', греч. *μισθός*, муж. р. 'плата, жалованье, мзда' (**misdho-*). Напомним, что А. Мейе считал эту форму исконной основой жен. р.

Как отмечалось, индоевропейский тип имен собирательных на **-ā* отражен в исторических формах мн. ч. ср. р. или ед. ч. жен. р. древних и современных индоевропейских языков. Естественно, что в балтийских языках, утративших средний род, собирательные на **-ā* были трансформированы в формы ед. ч. жен. р. по общности окончания или заменены иными современными формами, о чем речь пойдет ниже. Вместе с тем данные древнепрусской письменности демонстрируют еще живое функционирование имен собирательных жен. р. ед. ч. на *-ā* в качестве форм выражения совокупности предметов или массы вещества; примеры: *craujo* E 160 [*craujā*], жен. р. ед. ч., собир. (Mažiulis II, 281), *krawia* Ench. 47, 34 'кровь', по Френкелю, это старые формы мн. ч. ср. р.¹⁶, ср. лит. мн. ч. *kraujai* — при обычном ед. ч. *kraujas* 'кровь', с индоевропейской основой на **-u* инактивного класса (**krū-*), ср. соответствия в других индоевропейских языках: др.-инд. *kravīh*, *kravyát* 'сырое мясо', др.-греч. *κρέας*, ср. р., мн. ч. *κρέα* (собир. ср. р. по происхождению) 'мясо', лат. *kruor* 'rohes, dickes Blut', валл. *crau* 'кровь' и др. Лит. *kraujas*, муж. р. 'кровь' восходит к и.-е. **kroujóm*, ср. р. 'кровь; нечто кровавое; сырое мясо'. Lino GrG 72 [*linā*], жен. р. ед. ч. 'лен' — лит. мн. ч. *linaĩ*, собир. по происхождению (ед. ч.: лит. *linas*, латыш. *lins* 'стебель (отдельного растения) льна');

¹⁵ А. Мейе. Общеславянский язык. Москва, 1951, с. 278.

¹⁶ Е. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955—1965, р. 290 (далее — сокращенно: Fraenkel).

индоевропейская основа — ср. р., ср. греч. *λίνον*, лат. *linum* ‘лен’). *Pelwo* E 279 /*pelvā*/, жен. р. ед. ч., собир. (Mažiulis II, 302) — лит. *pelai*, мн. ч. ‘мякина, полова’, с переоформленной индоевропейской основой на *-u, ср. скр. *palđvaḥ* ‘мякина’, лат. *palea* (< *palēva) ‘высевки, полова’, лит. *pēlūs*, латыш. *peļus, peļvas* (Fraenkel, 568 — 569). Сюда же относится ст.-слав. мн. ч. *ПЛѢВЫ*, ед. ч. *ПЛѢВА*, русск. *полóва/пелéва* (< праслав. собир. *pel-ṷ-ā). *Spoauno* E 387 /*spāinā*/, жен. р. ед. ч., собир. (Mažiulis II, 305) ‘пена бродящего пива’, ‘pūtos’ (< *spāinā) — лит. *spāinė* ‘полоса пены, пена’ (Куршат), *spāinė* ‘пена’. Того же типа слав. *pěna (ст.-слав. мн. ч. *ПѢНЫ*, русск. *пѣна*, с.-хорв. *pjena* и далматинское *snjena*, польск. *piana* и др.).

Все эти факты замечательны тем, что демонстрируют балто-славянские соответствия на уровне морфологического тождества. Вместе с тем в древне-прусских памятниках находим немало новообразований этого типа: /*babā*/, жен. р. ед. ч. ‘бобы’; /*malkā*/, жен. р. ед. ч. ‘дрова’, ср. лит. мн. ч. *malkos*; /*slajā*/, жен. р. ед. ч. ‘сани’ (буквально — ‘полозья’, др.-прусс. *slajan*, ед. ч. ср. р. ‘полоз’, ср. лит. *šlājos*, мн. ч. ‘дровни, сани’; /*silā*/, жен. р. ед. ч. ‘tūrai, šilai’, вероятно, собир. (Mažiulis II, 320); /*stiklā*/, жен. р. ед. ч. ‘stiklai’ (Mažiulis II, 312); /*tūbā*/, жен. р. ед. ч. ‘tūbai’ (Mažiulis II, 320) при ед. ч. лит. *tūbas* ‘войлок, фетр’; /*strigenā*/, жен. р. ед. ч. ‘čiulpaī’ ‘костный мозг’, возможно, имя собир. (Mažiulis II, 263); /*tinklā*/, жен. р. ед. ч. собир. ‘сеть’, ср. лит. ед. ч. *tiñklas* ‘то же’; /*sasitinklā*/ E 697, жен. р. ед. ч. ‘силки на зайца’, ‘raizgai, kilpos’ собир. (Mažiulis II, 327); /*vansā*/, жен. р. ед. ч. ‘усы’, лит. мн. ч. *ūšai*, собир. (Mažiulis II, 321); /*apēvītvā*/, жен. р. ед. ч. ‘верба’, видимо, собир., ср. др.-прусс. ед. ч. *vītvān* ‘лоза’ и некоторые другие.

Древнепруссские соответствия позволяют идентифицировать как исконно собирательные славянские имена *pluralia tantum* на -a (по происхождению среднего рода):

*ustā ‘рот, уста’ — др.-прусс. *austo* E 89 /*austā*/, жен. р. ед. ч., с и.-е. основой на *-t-o / *-t-ā, ср. др.-инд. *óṣṭha-*, авест. *aošta-* ‘губа’ (от корня **ous-*/**ois-*, ср. др.-инд. *āsan*, ср. р., авест. *āh-*, лат. *ōs*, ср. р., р. п. *ōris* ‘рот’);

*vortā ‘ворота, двери’ (ст.-слав. *ВРАТА*, русск. *ворота*, польск. *wrota*) — др.-прусс. *warto* E 210 /*vartā*/, жен. р. ед. ч. ‘дверь’, лит. *vaṛtai*, мн. ч. ‘ворота’, подлинное имя собирательное от индоевропейской основы ср. р.;

*pontā (др.-слав. мн. ч. *ПЖТА* — при ед. ч. ср. р. *ПЖТО*) — др.-прусс. *panto* E 542 /*pantā*/, жен. р. ед. ч., собир. ‘путы, оковы’, лит. *pánčiai* (Mažiulis II, 299).

В эту группу слов органично входит и слав. мн. ч. *КОЛА* ‘повозка, воз’ — ед. ч. *КОЛО* ‘колесо’, др.-прусс. *kelan* ср. р. (с другим вокализмом корня).

Рядом с др.-прусс. собир. *gelso* E 522 [*gelzā*] жен. р. ед. ч. находит объяснение как собирательное по происхождению ст.-слав. мн. ч. ср. р. ЖЕЛЪЗА в собственно вещественном значении 'железо', например: И ЖЕЛЪЗА СКОВРАДЫ МАКЧАИША СЖТЬ ТВОЕГО СРЪДЬЦА (Супрасльская рукопись, 118. 20). Равным образом слав. мн. ч. МАСА 'мясо; тело' (в старославянской письменности — только во мн. ч.: р. п. МАСЪ, д. п. МАСОМЪ, твор. п. МАСЫ и т. д.) оказывается старым собирательным именем среднего рода, ср. др.-прусс. *tenso* E 154 [*mensā*], жен. р. ед. ч., лит. диал. (жемайт.) *meisà*, жен. р. 'мясо', латыш. арх. *miesa* 'живое тело, плоть' <балто-слав. *mensā. Ср. далее индоевропейские соответствия: скр. *māmsām*, ср. р., арм. *mis*, гот. *mimz*, ср. р., тох. В *misa* 'мясо' (и.-е. основа ср. р.). Заслуживает особого замечания общелитовское *mēsà*, которое считается заимствованным из восточнославянского — русского или белорусского¹⁷. На это как будто указывает огласовка корня: слав. 'a = лит. *ė*, хотя она должна быть объяснена как-то иначе, на балтийской основе. Следует принять во внимание то, как оформлено слово. В данном случае речь может идти только о праязыковой форме на *-*ā*, подобной собирательным формам типа лит. *dervà* (<*deruā) или *žiemà* (<*žiemā), где конечное -*ā* сократилось под акутом, но окситонеза сохранилась. В балтийских языках эта форма трансформирована в имя женского рода ед. ч.: лит. *mēsà* <*mensā. Известно, что русские или белорусские заимствования среднего рода в литовском стали формами муж. р., например: *bliūdas* <блюдо, *čiūdas* <чудо, *kleīmas* <клеймо, *miēstas* <мѣсто, *páltas* <пальто, *stiklas* <стѣкло, *pūvas* <пиво, *vūnas* <вино, *viedras* <вѣдро, *zėrkolas* <зеркало и т. п. Таким образом, восточнослав. *мясо* в литовском должно было бы дать нечто вроде *mēsas, муж. р. Лит. *mēsà* строго и однозначно соответствует древнеславянскому МАСА, мн. ч. ср. р. и вместе с ним восходит к праиндоевропейской ~ балто-славянской форме *mensā, где конечное -*ā* является основообразующим суффиксом собирательности для имен инактивного класса.

Восточнобалтийские языки средний род утратили, когда — точно неизвестно, но, судя по данным древнепрусских памятников, незадолго до возникновения письменности, однако следы среднего рода совершенно отчетливы в целом классе прилагательных, употребляемых безлично-предикативно (типа *gēra* 'хорошо', *gražū* 'красиво', *sunkū* 'тяжело', например: *man šálta* 'мне холодно' и т. п.). Характерно, что здесь древние основы на -*o завершаются окончанием -*a*. Видимо, и существительные среднего рода *ǫ-основ имели такое же окончание в древнем состоянии, о чем свидетельствуют за-

¹⁷ Fraenkel, p. 427—428; J. Palionis. Lietuvių literatūrinė kalba XVI—XVII a. Vilnius, 1967, p. 275.

имствования из восточнобалтийского в финском языке, например: финск. *lunka* 'отставание коры дерева' — лит. *lūnkas* 'лыко', ср. др.-прусс. *lunkan* E 644, ср. р.; финск. *heinä* 'сено' (< *seinä*) — лит. *šiėnas*, латыш. *siens*, слав. *сѣно* и т. п. В исторической грамматике литовского языка такие факты хорошо известны¹⁸. Возможно, что, как считал Е. Ниеминен, совпадение окончания *-a* ед. ч. и *-ā* мн. ч. после сокращения его под акутом и вызвало процессы, приведшие к утрате категории среднего рода в литовском и шире — в восточнобалтийских языках¹⁹. Как известно, формы среднего рода в восточнобалтийских языках заменены формами мужского рода, ср. др.-прусс. *assarān* E 60 [*azarān*], ср. р. ед. ч. — лит. *ėžeras*, муж. р., диал. *āžaras* 'озеро', др.-прусс. *wundan* E 59 [*vundan*], им.—вин. пп. ср. р. ед. ч. 'вода' (в Эльбингском словаре древнепрусского языка имена среднего рода индоевропейской *o-основы имеют в им.—вин. пп. ед. ч. окончание *-an* (< *om)), лит. *vanduõ*, муж. р.; *lunkan*, ср. р. — лит. *lūnkas*, муж. р. 'лыко' и т. п. В. М. Иллич-Свитыч указывает на закономерный характер соответствий финских заимствований на *-a* (и.-е. *ǝ-основы) восточнобалтийским формам мн. ч. на *-ai*: финск. *karva* 'шерсть; волосы', *harja* 'щетка; грива' при лит. *gaurai* 'волосы', *šeriai* 'щетина'²⁰. Такие соответствия позволяют полагать, что в условиях утраты категории среднего рода в древних балтийских языках новое окончание мн. ч. *-i* местоименного происхождения внедрялось в основы на *ā. Это явление охватило и прусский язык, что может служить хотя бы относительным ориентиром в хронологизации самого процесса изменений в области категории рода (предписьменная эпоха); например: др.-прусс. *gennai* III 93₁₂ [*genāi*], им. п. мн. ч., ед. ч. жен. р. *genno* [*genā*] E 188 'materis, žmonà'. Это окончание есть и у др.-прусс. *ussroy* [*ikrāi*] E 142 'голень' — им. п. мн. ч. муж. р. (В. Мажюлис II, 261), но по происхождению это имя собирательное на *-a* инактивного класса (мн. число ср. рода или ед. число жен. рода), оформленное местоименным окончанием *-i*. Равным образом др.-прусс. *mensai* III 55₁₉ [*mensāi*] — им. падеж жен. р. наряду с ед. ч. жен. р. [*mensā*] 'мясо; тело'. Таким образом, древние восточнобалтийские имена собирательные на *-ā* приняли окончание *-i*, что не помешало им сохранить значение собирательности, первоначально, по-видимому, и форму ед. числа. См. А. Мейе: „Литовское множественное число на *-ai* (с необъясненным ударением) также является старым собирательным этого рода:

¹⁸ См. J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968, p. 123.

¹⁹ См. E. Nieminen. Der urindogermanische Ausgang *-āi* des Nominativ-Akkuzativ Pluralis des Neutrum im Baltischen / Annales Academiae Scientiarum Fennicae (Suomalaisen tiedeakademian toimituksia). Seria B, t. 16. Helsinki, 1922—1923.

²⁰ См. В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Москва, 1963, с. 32 (в сноске).

vākaras 'вечер', *vakarai*²¹. А. Мейе рассматривает это в одном ряду явлений с лат. *vesper/vespera* 'вечер / вечера' и т. п. В дальнейшем сократилось долгое *a*: **āi > ai*, в результате этого окончания выровнялись по типу мн. ч. муж. р., а старые имена собирательные трансформировались в грамматические формы множественного числа. Этим и объясняется, с одной стороны, продуктивность имен *pluralia tantum* в восточнобалтийских языках, а с другой — малочисленность словообразовательных типов категории собирательности в формах единственного числа по сравнению со славянскими языками. В литовском языке формы мн. числа на *-ai* наряду с абстрагированно-множественным значением выражают и собирательные понятия, что для них является исконным. Поэтому многие из этих форм лексикализованы в собирательных и вещественных значениях, т. е. стали именами *pluralia tantum*. Литовские формы мн. ч. на *-ai* *ō-основ идентичны древним именам собирательным на *-a* пассивного класса. Формы на *-a* получили распространение в древнепрусском языке, а в литовском они завуалированы в формах мн. ч. на *-ai*, в частности, в именах *pluralia tantum*, причем некоторые из них соотносительны с исходными (этимологическими) основами среднего рода. В качестве иллюстрации позволим себе привести примеры с реконструкцией праформ, заимствованные из процитированного уже сочинения В. М. Иллича-Свитыча, изменив оценку этих форм в духе развиваемой здесь концепции: лит. *laiūpai*, мн. ч. 'отдирающаяся кожа; кора' < **lóurā*, собир. ~ мн. ч. к **lourot* 'растительная ткань', лит. *linaī*, мн. ч. 'лен' < **linā*, собир. к ед. ч. **linom*, ср. р. 'стебель льна', ср. др.-прус. *linā*, собир. ед. ч. жен. р.; лит. *lipai*, мн. ч. 'клей' < балт. **lipā* — собир. к *lipa*, ср. р. < **lipos*, ср. р. 'клейкое, липкое вещество'; лит. *namai*, мн. ч. '(жилой) дом' < **nómā*, собир. к **nomot* 'местопребывание', ср. греч. *νομός*, муж. р. 'местопребывание, жительство'; лит. *paišai* 'сажа; копоть' < балт. **paišā*, собир. к **paiša*, ср. р. < **póikos*, ср. р. 'красящее вещество'; лит. *plaušai*, мн. ч. 'мочало' < **plousā*, собир. к **plousom* 'волокнистая поверхность'; лит. *spāliai*, мн. ч. 'очески; кострика' < **spóliā*, собир. к ед. ч. **spoliom*²², лит. *vaĩtai*, мн. ч. 'ворота', др.-прус. *vartā*, собир. ед. ч. жен. р. 'двери', слав. ВРАТА; лит. *miltai*, мн. ч. 'мука', ср. др.-прус. *meltan* Е 335 и другие.

Наконец, по этой же методике попытаемся этимологизировать слав. **medja* (ст.-слав. МЕЖДА, русск. *межа*, польск. *miedza* и др.). Славянская основа имеет близкие соответствия в балтийских языках: лит. *mėdžias* 'лес; древесина', диал. (дзукск.) 'дерево'; жемайт. *mėdė* '(большой) лес; роца',

²¹ А. Мейе. Общеславянский язык, с. 328.

²² В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч., с. 53—55.

собир. жен. р., латыш. *mežs* 'лес' и 'дерево', др.-прусс. *median* 'лес', ср. р. Лит. *mėdžias* восходит к вост.-балт. **médija* 'лес'. Эта последняя форма и слав. **medja* 'межа, граница' (леса служили естественными границами)²³ происходят от и.-е. **medhjom* 'середина', ср. др.-инд. *mádhyam*, ср. р. 'середина', греч. μέσον, ср. р. 'то же' и др.-прусс. *median*, ср. р. 'лес'. Слав. **medja* соотносится с индоевропейской праформой **medhjom* (этимологическая **ǵ*-основа ср. р.) как имя собирательное инактивного класса с функцией формы мн. числа.

Резюмируем изложенное. В балтийских и славянских языках древние формы собирательности на **-ā* обнаруживают себя на индоевропейском фоне. В позднепраиндоевропейскую эпоху имена собирательные на **-ā* трансформировались в грамматические формы им. — вин. пв. мн. числа ср. р. в соответствии с исконной функцией выражения множественности. Но грамматикализация охватила не все существительные этого типа. Некоторые из них совпали с формами ед. ч. жен. р. и получили самостоятельное лексическое развитие. Это произошло в разных индоевропейских языках, в том числе в балтийских и славянских. Что касается форм мн. ч. на *-a*, то их дальнейшая судьба определяется развитием грамматического строя каждого языка в отдельности. В прусском языке в связи с падением категории среднего рода формы мн. числа ср. р. трансформировались в формы ед. числа жен. р. В литовском языке эти формы, обогащенные местоименным наращением *-i*, растворились среди форм мн. числа муж. р. на *-ai*. Находит свое объяснение природа имен *pluralia tantum* на *-a* в славянских и на *-ai* в литовском языках, связанная с историей индоевропейского типа имен собирательных на **-ā*.

---

²³ См. В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч., с. 47; Fraenkel, p. 424.